

ГОРЬКИЙ — М. Л. СЛОНИМСКИЙ

Михаил Леопидович *Слонимский* (р. 1897) познакомился с Горьким в Петрограде в 1919 г. В это время он был привлечен К. И. Чуковским к работе в издательстве «Всемирная литература», руководимом Горьким. «Горький намерен был издать все лучшие произведения мировой литературы. В этом громадном деле,— вспоминает Слонимский,— мне назначено было доставать сочинения русских и иностранных писателей» («Максим Горький». — «Литературный современник», 1941, № 6, стр. 100). Слонимский был одним из членов литературной группы «Серапионовы братья». В связи с этим в его переписке с Горьким 1922—1925 гг. особенно много места уделяется творчеству молодых «серапионовцев» К. Федина, В. Каверина, М. Зощенко, Н. Никитина и др.

В письмах Слонимского к Горькому содержится ряд интересных суждений о группе «Серапионовы братья». В марте 1923 г. Слонимский писал Горькому, имея в виду декларативное выступление «серапионовцев» на страницах журнала «Литературные записки», 1922, № 3: «Автобиографии и прочую рекламную ерунду не судите строго — в этом виноваты не только мы» (АГ). В другом письме (сентябрь 1922 г.) он писал: «Не огорчайтесь на наши автобиографии. Это — легкомыслие на почве физического и нервного переутомления. Это не помешало нашей работе и не ущемило наших характеров. Надеюсь не изменило мнения к нам тех, кого мы любим» (АГ).

Уже в августе 1923 г. Слонимский писал Горькому о том, что группа оказалась недолговечной: «Серапионов тех, которых вы знали два года тому назад, нет. Есть отдельные писатели известные и неизвестные, сохранившие старую дружбу...» (АГ).

Слонимский не прерывал переписки с Горьким и в тридцатые годы. Он писал Горькому и как один из активных работников «Издательства писателей в Ленинграде».

В 1932 г. Слонимский обратился к Горькому с просьбой содействовать его отъезду за границу для литературной работы. «Поездка моя за границу,— рассказывает Слонимский,— состоялась летом 1932 г. (июнь — август). Я был в Германии — Берлин, Мюнхен, Сен-Блазиев (Шварцвальд), снова Берлин. Результат — „Повесть о Левине“ <...> Также очерки и рассказы „Берлин“, „Фашисты в Мюнхене“, „Блуждания“, „Католический бог“ <...> В Германию ездил для собирания материалов по „Повести о Левине“. Помог Горький. На вокзал я уехал, помнится, непосредственно с Малой Никитской, д. 6» (письмо в Архив А. М. Горького от 25 апреля 1960 г.).

Оценку «Повести о Левине» Горький дал в письме к Слонимскому от 1 июня 1935 г. (т. 30, № 1163).

Воспоминания Слонимского о встречах с Горьким опубликованы в сб. «Правда о Горьком». М., изд. ЦК ВКП(б), «Правда», 1932, стр. 129 («С первых шагов моих в литературе»), в «Литературном современном», 1941, № 6 («Максим Горький») и в «Ленинских искрах», 1940, № 56, от 18 июня. С некоторыми сокращениями воспоминания Слонимского вошли в его книгу «Избранное». М., Гослитиздат, 1958.

Ниже публикуются десять писем Горького и четыре письма Слонимского. Письма Горького к Слонимскому печатаются по автографам, хранящимся у адресата. Письмо № 3 предоставлено К. А. Фединым.

См. также приложение к переписке Горький — Федин.

1

СЛОНИМСКИЙ — ГОРЬКОМУ

<Петроград. 2 мая 1921 г.>

Многоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

посылаю вам две рукописи: М. Зощенки — рассказ «Старуха Врангель» и свой рассказ¹. Зощенко — новый Серапионов брат, очень, по мнению Серапионов, талантливый.

Мне очень досадно, что Шкловский показал вам мой рассказ «Шоколад»². Рассказ отвратительный. Мне очень интересно ваше мнение о моем рассказе, который передаю вам вместе с Зощенко.

Шкловский говорил также о сборнике молодежи и о том, что вы бы хотели организовать как-нибудь серапионовское собрание у себя на квартире. Он называл воскресенье, но говорил, что все же это не окончательно. В эту среду в 8 час. будет у меня следующее серапионовское собрание, и я мог бы оповестить всех друзей об этих делах.

Передаю вам также письмо Екательины Павловны Летковой³. Она очень просит дать ответ.

Ваш М. С л о н и м с к и й

2/V 1921 г.

¹ Речь идет о рассказе Слонимского «Поручик Архангельский» (напечатан в кн.: М. С л о н и м с к и й. Рассказы. Л., Госиздат, 1924).

² Рассказ «Шоколад» не был напечатан.

³ Письмо от 2 мая 1921 г., в котором Е. П. Леткова-Султанова просила Горького назначить время для встречи (АГ).

2

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

<Петроград. 5 мая 1921 г.>

Михаил Леонидович!

Рассказы Зощенко и ваш я прочитал, — мне очень хотелось бы побеседовать с ним и с вами по этому поводу¹.

А также, нужно бы мне поговорить со всей компанией вашей по вопросу об альманахе, который вам следовало бы сделать².

Поэтому — не соберетесь ли вы все ко мне в пятницу, часов в 8, в 1/2 9-го?

Если решите — известите меня об этом завтра.

Жму руку.

5.V.21.

А. П е ш к о в

¹ В письме в Архив А. М. Горького от 22 января 1961 г. Слонимский сообщает: «„Поручика Архангельского“ Горький в общем, как я помню, похвалил. Точно помню, что Горький особенно выделил и даже прочел вслух начало главы VI, начиная со строк „Для отца Наташи все ясно“ и включительно до „будут ходить по комнате и зубрить“. При этом Горький сказал — „Хорошо у вас поставлен этот учитель...“» (АГ).

² Предполагалось выпустить альманах «1921 год». В АГ хранится набросок плана этого альманаха, сделанный Горьким:

1921.

А л ь м а н а х.

Содержание

Всеволод Иванов. Жаровня Архангела Гавриила.

Хлеб.

Елизавета Полонская. Стихи.

Михаил Слонимский. Рваные люди.

Поручик Архангельский.

В. Познер. Баллада о коммунисте.
 Баллада о дезертире.
 Виктор Шкловский. В пустоте.
 Мих. Зощенко. Любовь.

Война.
 Старуха Врангель.
 Ник. Радищин <Радищев>. Голод.

Лев Лунц. Бунт.
 Ник. Никитин. Рвотный форт.
 В. Зильбер. Одиннадцатая аксиома.
 Н. Павлович. Стихи.
 Лев Лунц. Вне закона. Пьеса.

Редакция?

Для этого альманаха Горький написал до своего отъезда за границу предисловие (АГ). Издание альманаха в составе, намеченном Горьким, не осуществилось.

3

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ, ЛУНЦУ, ВС. ИВАНОВУ

<Герингсдорф. Лето 1922 г.>

М. Л. С л о н и м с к о м у, Л у н ц у, В с е в. И в а н о в у

Друзья!

Если вы пришлете мне через А. П. Пинкевича ¹ рукописи для второго и третьего альманаха ², я обязуюсь устроить здесь издание оных на условиях возможно более выгодных для вас и в самом скором времени. Выговорю вам гонорары за право перевода на иностранные языки.

Особенно рекомендую Всев. Иванову издать книгу его рассказов ³. Сообщите, сколько вы хотели бы получить гонорара и затем — сколько тысяч экземпляров послать вам в Россию на продажу?

Будьте здоровы, будьте бодры, работайте больше, все остальное приложится!

Привет вам. А. П е ш к о в

Датируется предположительно по выходу в свет альманаха «Серапионовы братья» (май 1922 г.).

¹ Альберт Петрович *Пинкевич* (1883—1939) — профессор, доктор педагогических наук. В двадцатые годы работал в Петроградской комиссии по улучшению быта ученых. По делам Комиссии часто бывал в Берлине.

² Эти издания не были осуществлены. О 1-м альманахе «Серапионовы братья» см. письмо 5, прим. 1.

³ Был издан сборник рассказов Вс. Иванова «Седьмой берег». Берлин, «Геликон», 1923.

4

СЛОНИМСКИЙ — ГОРЬКОМУ

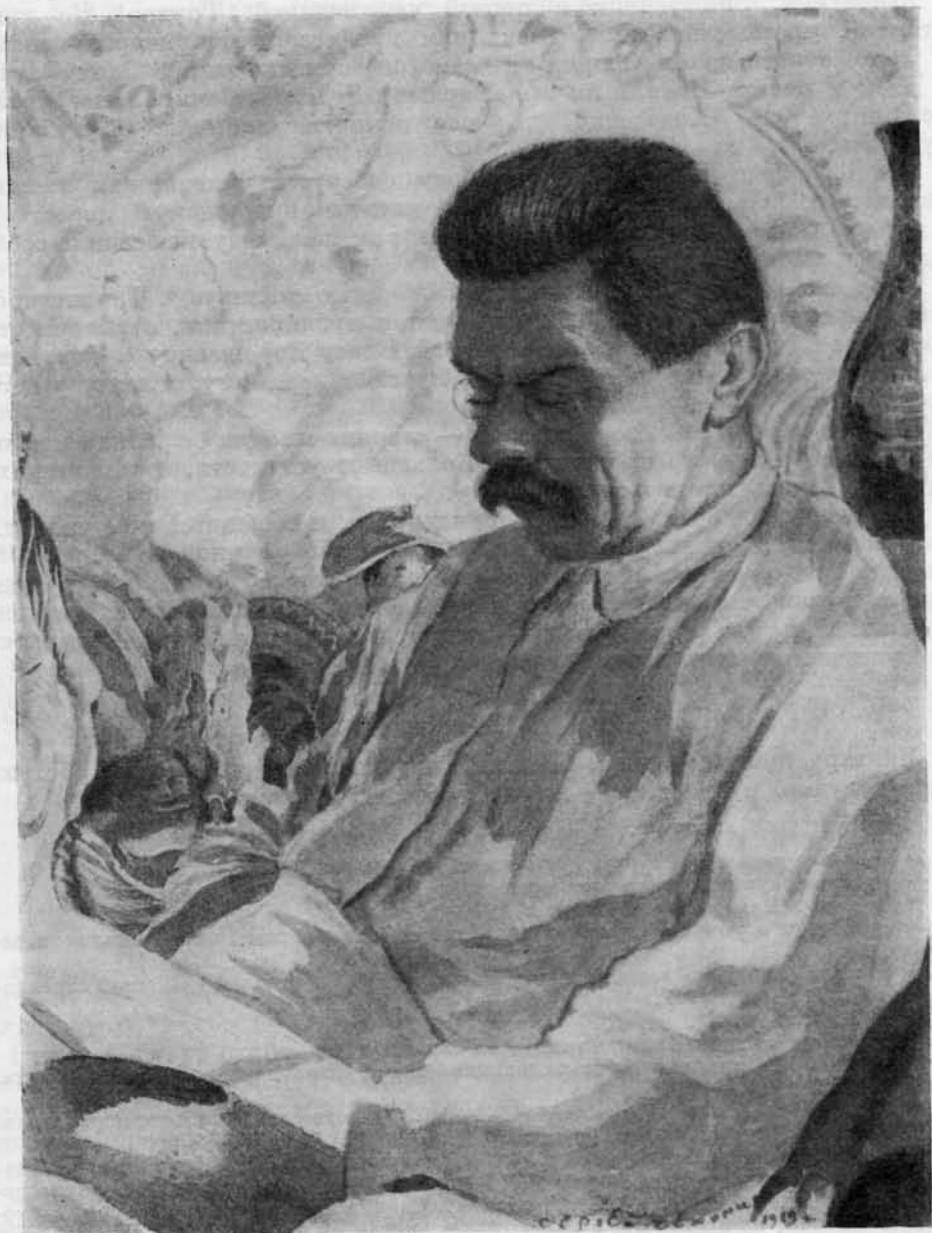
<Петроград. Середина августа 1922 г.>

Дорогой Алексей Максимович,

получил от вас письмо ¹ и, наконец, узнал точный ваш адрес.

Покорнейшая просьба: принять участие в нашем журнале ². Журнал будет называться «Двадцатые годы» (не наверняка еще). Журнал этот — следствие поездки моей со Всеволодом ³ и Федем в Москву. Жду сейчас Всеволода, который еще в Москве, — он должен привезти деньги <...>

Соберу с Серапионов рукописи и вышлю. Но ленивый народ — не переписывают. Да и то правда: ужасный это труд переписывать, а на перепечатку — увы! — денег нет.

ГОРЬКИЙ

Акварель С. В. Чехонина, Петроград, 1919 г.

Музей Горького, Москва

Военных рассказов больше не пишу. Пишу роман ⁴ авантюрный, с бандитами, Эйнштейном и прочей чертовщиной. Трудно! Но приятно до чрезвычайности. У меня там профессор есть непризнанный. У него сумасшедшая теория и сам он сумасшедший. Занят этим я днем и ночью. Читали ли вы «Варшаву» ⁵ мою? Меня за нее только Виктор ⁶ да Ходасевич, да еще немногие хвалили. А публика ругалась.

Очень по вас соскучился. В субботу соберутся у меня, как всегда, Серапионы, будет Каверин (Зильбер) читать «Гипспанскую повесть» ⁷, а я объявлю ваше письмо, и мы составим вам как следует послание сообща, ибо любим и помним вас очень.

Был я в Москве. Слушал Пильняка «Третью столицу» ⁸. Талантливо, но Серапионы не совсем довольны: чистая публицистика, отрывочность возведена в принцип и трагически ведет к Власу Дорошевичу ⁹. Торопливый человек Пильняк, мог бы писать лучше. Слава богу, таланту у него достаточно.

Читали мы там в Союзе писателей — старики шипели <...> Пили много, да и вообще пьем, но не слишком. Больше от усталости, чтобы встряхнуться и вновь приняться за работу.

Пишите нам, дорогой Алексей Максимович, и сообщите, получили ли вы рукописи, посланные Чуковским А. Толстому и мной из Москвы ¹⁰. Пожалуйста, распоряжайтесь ими (в смысле переводов и прочего) как знаете. Будем очень благодарны. Но не забывайте, пожалуйста, о нашем журнале. У нас на этот журнал — ориентация главная. Наконец-то можно будет заговорить полным голосом.

Всего вам хорошего.

Ваш М. С л о н и м с к и й

Виктору пишу отдельно. Сообщите ему, пожалуйста, что все обстоит благополучно, и братство — штука хорошая, лучшая в мире.

Датируется по письму 5.

¹ О каком письме идет речь, установить не удалось.

² Издание журнала не состоялось.

³ Всеволод Вячеславович Иванов.

⁴ Речь идет о романе «Трактат профессора Мясникова». Роман остался незавершенным.

⁵ Рассказ «Варшава» вошел в книгу рассказов М. Слонимского «Шестой стрелковый». Пб., «Время», 1922.

⁶ В. Б. Шкловский.

⁷ Это произведение Каверина не было напечатано.

⁸ Повесть Б. Пильняка «Третья столица» была опубликована в альманахе «Круг», № 1 (М.—П., 1923).

⁹ Влас Михайлович *Дорошевич* (1864—1922) — известный фельетонист, писавший короткими, отрывочными фразами.

¹⁰ В литературном приложении к газ. «Накануне», 1922, № 34, от 7 мая, сообщалось, что от «петербургского ордена „Серапионовых братьев“» получен в Берлине целый ряд рукописей (стихи и беллетристика). Слонимский посылал Горькому рукописи из Москвы, по-видимому, в июле 1922 г., когда он вместе с Вс. Ивановым и Фединым выступал в Союзе писателей.

Получил ваше письмо, Михаил Леонидович, — спасибо за память!

Для журнала вашего непременно что-нибудь пришло, но — какой срок? Напишите.

На днях достал и прочитал «Серапионовы братья» — альманах ¹. Очень хорош Зоценко, как всегда интересен Зильбер — оригинальнейший писатель, сильно написал Луиц, — излишне хвалить Иванова. Сила какая!

И это — не из лучших рассказ. Ваш — хороший рассказ — испорчен, я знаю, как и кем. Жаль. Никитин — неудачно написал, но есть прелестные места, напр<имер> — о коробе спичек и самоубийстве.

Разрешите мне указать на следующее: почти у всех вас — исключая В. Иванова — лексикон беднее ваших способностей и тем, — значительно беднее! Техника, которой вы обладаете, задачи, которые вы ставите перед собою, — неизбежно и настоятельно требуют большего богатства слов, большего обилия и разнообразия их. Не следует, конечно, пускаться на фокусы, как это делает Пильняк, заимствуя и искажая лексикон Андрея Белого, — не нужно «сочинять» слова, — но — язык наш достаточно гибок и богат — следует глубже всмотреться в него. В рассказах бытового характера у вас часто получается «единодушие» — в том его виде, который совершенно нежелателен, — один пишет, как другой. Особенно заметно это в страницах описательного характера.

Вы простите мне это указание. Поверьте, что оно вызвано моим глубоким и сердечным интересом к работе вашей группы. Она для меня — самое значительное и самое радостное в современной России. На мой взгляд — и я уверен, что не преувеличиваю — вы начинаете какую-то новую полосу в развитии литературы русской, — а это — величайшее, что есть у нас. Слежу за вами с трепетом и радостью. Будьте здоровы, живите дружно, присылайте, пожалуйста, в<аши> книги мне. Очень прошу! Всего доброго.

А. Пешков

¹ «Серапионовы братья». Альманах первый, Пг., «Алконост», 1922.

В альманахе были опубликованы следующие произведения: М. Зощенко. Виктория Казимировна; Л. Лунц. В пустыне; Вс. Иванов. Синий зверюшка; М. Слонимский. Дикий; Н. Никитин. Дэзи; К. Федин. Песня души; В. Каверин. Хроника города Лейпцига за 18.. год.

6

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

<Герингсдорф. 20 августа 1922 г.>

Дорогой Михаил Леонидович.

Вчера — 19-го — Андре Жермен¹ передал мне для «Серапионовых братьев» 50 т<ысяч> гер<манских> марок с просьбой послать вам посылки «Ара»².

Посылки будут отправлены на адрес «Дома искусств» и на имена Слонимского, Лунца, Зощенко, Зильбера — 22-го. Очень грустно, что ввиду падения марки на 50<%>, можно послать только четыре посылки, но я надеюсь скоро дослать еще пять или шесть. А если это вам удобнее, могу выслать деньгами.

«Викторию Казимировну», «Пустыню», «Хронику Лейпцига» отдал переводить на французский язык³. Гонорар будет послан редакцией «Les ecrits pouveaux» непосредственно вам.

Мне нужно бы иметь:

«Рассказы Синебрюхова»⁴

«Пятый странник»⁵

Стихи Полонской⁶

— „ — Тихонова⁷

и вообще — все, что вами уже издано. Надо переиздать все это здесь, чтоб закрепить за вами права на оплату гонораром. У вас, кажется, скоро издадут закон об авторских правах⁸, — как только эту штуку опубликуют, пришлите мне! Очень прошу. Если за иностранными авторами не будут признаны их права, то — разумеется — и за русскими Запад не

признает этих прав. Но — Германия связана Бернской конвенцией⁹, значит: издавая здесь, вы имеете право авторизации для всех стран Европы.

Привет! Всем.

А. Пешков

Датируется по содержанию письма и по упоминанию о пребывании в Герингсдорфе Андре Жермена (уехал 27 августа 1922 г.).

¹ См. Горький — Каверин, письмо 4, прим. 5.

² Сокращенное обозначение организации «Американская администрация помощи» (American Relief Administration in Russia), созданной в США в 1919 г. для оказания продовольственной помощи странам, пострадавшим от первой империалистической войны, в том числе и Советской России. В 1923 г. была запрещена в РСФСР, так как выяснилось, что под флагом «помощи» АРА занималась организацией шпионажа и диверсий.

³ Рассказ М. Зощенко «Виктория Казимировна» был напечатан в журнале «Disque vert», за 1923 г., №№ 4—6.

Рассказ В. Каверина «Хроника города Лейпцига за 18.. год» и рассказ Л. Лунца «В пустыне» в журнале «Les écrits nouveaux» напечатаны не были.

⁴ М. Зощенко. Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова. Пг., «Эпоха», 1922.

⁵ Повесть В. Каверина «Пятый странник» была напечатана в альманахе артели писателей «Круг», I. Пг., 1923.

⁶ Елизавета Григорьевна Полонская (р. 1890) — писательница, входила в группу «Серапионовы братья».

⁷ Николай Семенович Тихонов (р. 1896).

⁸ Декрет «Об основах авторского права в СССР» был принят 30 января 1925 г. (см. «Известия», 1925, № 28, от 4 февраля).

⁹ Бернская конвенция по охране авторского права была заключена в 1886 г. государствами: Бельгией, Великобританией, Германией, Данией, Испанией, Италией, Либерией, Францией, Швейцарией и др.

7

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

⟨Герингсдорф. Конец августа 1922 г.⟩

Виктор должен был послать вам мое письмо¹, в котором я указывал на следующее:

Для того, чтоб вас здесь, за границей, не «разбазаривали» без пользы для ваших карманов, необходимо чтоб всё, что вы пишете, печаталось здесь на русском языке.

Это даст вам право авторизации, т<о>е<сть> — защиты ваших материальных интересов в Европе, — тем самым это даст вам возможность получить здесь некие гонорары.

Здесьние издатели, стремясь только «сорвать деньгу», — не заинтересованы в защите ваших интересов.

Нужно поручить эту защиту, а равно и все дело издания ваших книг, здесь какому-то одному лицу.

Не найдете ли вы пригодным для этого дела Виктора? Он — достаточно деловит и любит вас, как вы знаете.

Если вы согласны с изложенным, — напишите Виктору.

О вас уже кое-что известно в европейской печати — здесь, во Франции, в Испании.

Скоро в «Ecrits nouveaux» Анри Жермен напечатает рецензию на альманах, и должна явиться статья Диего Диаса в «El Sol»². Здесь вами заинтересован Кайзер, а у него — свой журнал «Die neue Rundschau»³.

Крайне необходимо, чтоб все вы как можно скорее и крепко встали на ноги, — не голодали бы, не хворали. Как вы думаете — не следует ли Зощенко поехать сюда, полечиться? Я сумел бы устроить его здесь, где-нибудь у моря, в теплом месте.

Еще раз — всего доброго!

А. Пешков

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
М. Л. СЛОНИМСКОГО ГОРЬКОМУ
НА КНИГЕ «ПОВЕСТЬ О ЛЕВИНЭ»
(Л., 1935):

«Дорогому Алексею Максимовичу
Горькому с большой любовью
М. Слонимский 12/V»

Личная библиотека Горького

МИХ. СЛОНИМСКИЙ

ПОВЕСТЬ О ЛЕВИНЭ

*Дорогому
Алексею Максимовичу
Горькому
с любовью
М. Слонимский
12/V*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
Ленинград 1925 г.

Датируется по содержанию.

¹ Очевидно, через В. Б. Шкловского было передано письмо от 20 августа 1922 г. (письмо 6).

² Рецензия не появилась, но в этом журнале (1922, август—сентябрь, стр. 4—5) была напечатана заметка А. Жермена о его встречах с Горьким, в которой содержится горьковская характеристика группы «Серапионовы братья». «El Sol» — ежедневная мадридская газета.

³ Рудольф Кайзер (р. 1889) — ученый филолог, редактор журнала «Die Neue Rundschau» (Берлин).

8

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

⟨Герингсдорф. 10 сентября 1922 г.⟩

Дорогой мой Михаил Леонидович.

Вы хорошо делаете, отказываясь издавать «материалы» ¹, — в том виде, как они сделаны, они бы несколько скомпрометировали вас. Я давно хотел сказать вам это, но было неловко как-то, не хотелось мешать вам. Но теперь, когда я чувствую, что в то время как одни чрезмерно — на мой взгляд — ласкают Серапионов, другие зорко присматриваются, за какое место большее укусят вас, — теперь вашу книгу встретили бы с радостью злой и вам неприятной.

Получил хорошее письмо от Федина ², он совершенно правильно характеризует вашу группу, как оригинальное и небывалое в русской литературе явление, построенное не на основе «школы» или «тенденций», но на крепком «внутреннем» — как хочется, чтобы эта внутренняя связь все крепче связывала бы вас. Только вот на таком чувстве глубокой

дружбы и взаимопомощи возможна плодотворная работа без ущерба индивидуальности каждого из вас. Большие, яркие надежды возбуждаете вы. «Сборник»³, наконец, вышедший здесь в издательстве «Русское творчество», где работает А. Н. Толстой, — очень читается и весьма волнует.

Вы, вероятно, знаете адрес Пильняка? Будьте добры, пошлите ему прилагаемое мое письмо⁴, он писал мне с Пинкевичем, но не дал адреса. Я пишу ему несколько резко, но он это вполне заслужил, ибо — фокусничает чрезмерно. Схватил здесь ревматизм — уж очень плохое лето было: дождь, ветер, холод — и, вот, должен буду ехать на зиму в теплые края, кажется — в Испанию. Значит — увижу вас только весной.

До свидания! Всего доброго и не забывайте меня!

Присылайте ваши — и серапионовские вообще — книги.

Крепко жму руку. А. Пешков

10.IX.22.

Получил Лунц мое письмо?⁵

Получил книжку Никитина «Американское счастье»⁶. Немножко вычурно и придумано «в поте лица».

Не пришлете вы мне книжку Павлова — «Жученко», изд. «Былое»?⁷. Пожалуйста! Привет.

А. П.

¹ Речь идет о книге, посвященной биографии Горького (см. об этом подробнее в воспоминаниях о Горьком Слонимского в кн.: «Избранное». М., Гослитиздат, 1958, стр. 443—444). Слонимский писал Горькому (конец августа — начало сентября 1922 г.): «Альберт Петрович <Пинкевич.— Ред.> передал мне о ваших замечаниях по поводу моей книги „О Горьком“. Этот отзыв ваш совершенно правилен, я с ним согласен вполне и считаю, что печатать книгу в том виде, в каком она написана три года назад, — ни в коем случае не следует. Она писана совершенно не моим голосом, завалена ненужным материалом, — вообще это просто бессмысленное нагромождение фактов, не получившее никакой формы. Типичная скучная ист<орико>-лит<ературная> работа, из бездарных <...> Тема для меня — слишком важна, и я никак не согласен на всякое, бесцветное, бездарное исполнение этой темы» (АГ).

В другом письме (сентябрь 1922 г.) Слонимский писал: «Относительно материалов вы правы, но я хочу написать эту книгу. Ваша жизнь для меня пример стоицизма и мужества» (АГ).

Работа над книгой не была завершена. Позднее Слонимский передал фактический материал И. Груздеву для книги «Максим Горький. Биографический очерк (По новым материалам)». Пг., «Кубуч», 1925.

² См. Горький — Федин, письмо 4.

³ «Серапионовы братья». Заграничный альманах. Берлин, «Русское творчество», 1922.

Состав сборника несколько отличался от русского издания альманаха (см. письмо 5, прим. 1). В него были дополнительно включены стихи Н. Тихонова и Е. Полонской, статья И. Груздева «Лицо и маска», не вошел рассказ Н. Никитина «Дэзи».

⁴ См. Горький — Пильняк. Письмо от 10 сентября 1922 г.

⁵ Писем Горького к Л. Н. Лунцу в АГ нет.

⁶ Н. Никитин. Американское счастье. Рассказы, Пг., «Былое», 1922.

⁷ Горький, по-видимому, имеет в виду книгу П. Павлова «Агенты, жандармы, палачи. По документам». Пг., «Былое», 1922, в которой есть глава «Героиня охраны» (Из истории агентуры), посвященная разоблачению провокаторской деятельности З. Ф. Жученко-Гернгросс.

Очень огорчен тревожным письмом вашим¹, милый мой Михаил Леонидович, но, так как суть события вами изложена неясно, — тревога ваша кажется мне преувеличенной. Да и конец письма вашего бодрее начала.

К Пильняку как литератору я отношусь отрицательно, вы, наверное, видели это из моего письма ², которое я просил вас передать ему. Кажется, и как человек, он — неважный товарищ. Крайне жаль, что Никитин поддается его влиянию, но — Никитин здоровый талант и, думаю, это влияние не может испортить его. Он сам скоро увидит, что Пильняк из тех, кто подражает, а не из тех, кому подражают. Пильняк — нигилист.

Вашу книгу «6 стрелковый» ³ я не получил и Лозовика ⁴ не видел. Это очень грустно. Пошлите мне экземпляр в Москву на имя Ек<атерины> Пав<ловны> Пешковой — Машков пер., 1, 16, для Ив<ана> Пав<ловича> Ладыжникова ⁵, он в конце месяца едет сюда. Очень хочу получить книгу Зоценко ⁶.

Вчера у меня был Вова Познер ⁷, читал две хорошие поэмы: «Лизанька» и «Вся жизнь г. Иванова», — славный поэт и хороший парень <...> Затем — очень кланяется в<ам> и другим Серапионам М. И. Бенкендорф, ныне — Будберг ⁸.

Вместе с вашим, получил письма Лунца и Зильбера ⁹, такие славные письма. Они несколько сгладили острую печаль вашего. Зильберу я советую издать книгу рассказов его здесь, — в «Книге» ¹⁰, не у Гржебина. Он, вероятно, покажет вам мое письмо, и вы увидите, как я это мотивирую. А Лунц написал трагедию, взяв героем Бертрана де Борн? ¹¹ Хотел бы прочитать эту вещь, и — нельзя ли будет перевести ее на французский?

Возвращаюсь к вам. Я знаю, что среди Серапионов вам выпал жребий старшего брата, «хранителя интересов и душ» братии. Это трудная и неблагодарная роль, но это почтенно и необходимо. И ваше стремление сохранить дружескую связь, цельность братства возбуждает у меня к вам чувство искреннейшей благодарности, уважения. Скажу прямо: вы, Зильбер, Лунц, Зоценко это самое ценное ядро «С<ерапионовых> б<ратьев>» и самое талантливое. Держитесь ближе, крепче, и вы явитесь магнитом, который привлечет к себе все наиболее значительное. Сейчас мне нужно идти на вокзал — не дописываю письма. Мой адрес: Берлин. Fürstenwalde, Saarow — Sanatorium.

Сердечный привет.

А. Пешков

10.X.22

¹ См. письмо 11, прим. 1.

² См. в наст. томе, стр. 309—310.

³ М. С л о н и м с к и й. Шестой стрелковый. Рассказы. Пг., «Время», 1922. В книгу вошли рассказы: «Шестой стрелковый», «Генерал», «Дикий», «Варшава».

⁴ Слонимский сообщил Горькому, что Л. Лозовик, живущий в Берлине, предлагает свои услуги в качестве переводчика на английский язык рассказов «Серапионовых братьев», и просил передать ему для перевода те рассказы, которые Горький считает лучшими.

⁵ Иван Павлович Ладыжников (1874—1945). В 1921—1923 гг. был одним из руководящих работников берлинского книгоиздательского и торгового общества «Книга».

⁶ Возможно, имеется в виду книга М. Зоценко «Разнотык» (Пг., «Былое», 1923), о выходе которой сообщалось в сентябрьском номере журнала «Новая русская книга» (Берлин).

⁷ См. письмо 11, прим. 8.

⁸ М. И. Будберг, по первому мужу Бенкендорф.

⁹ Письма от Л. Лунца от 22 сентября (АГ) и В. Каверина от 24 сентября 1922 г. (см. Горький — Каверин, письмо 2).

¹⁰ См. Горький — Демидов, письмо 3, прим. 2.

¹¹ В сентябрьском номере «Новой русской книги» (Берлин) сообщалось, что Лунц закончил трагедию «Бертран де Борн». Напечатана в сборнике «Город», кн. 1. Пг., 1923.

СЛОНИМСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петроград. Вторая половина октября 1922 г.)

Милый Алексей Максимович,

неврастенический период Серапионов кончился¹. Все спят спокойно и крепко. Убедился, что разбиться мы физически не сможем. Писать халтурно и нечестно тоже вряд ли будем. Живем. И опять покорнейшая просьба: прислать нам всё, что хотите, для журнала. Журнал будет². Через месяц выйдет первый номер. Размер журнала — 4 листа. С той же просьбой обращаюсь к Ходасевичу, Толстому, Эренбургу и, конечно, Виктору. Кого вы думаете хорошо было бы привлечь еще из «эмигрантов»? Журнал издается частным издательством и даже не «Кругом» (о «Круге» вы, наверное, слышали?). Хотелось бы очень вашего участия. Я вас очень люблю, Алексей Максимович, и с нетерпением жду обещанной весны и встречи.

Посылаю вам книжку³, очень хотел бы знать о ней подробное ваше мнение. Как-то вы сказали обо мне, что я «шатаюсь». Чувствую, что вы правы. Но меня влечет к фантастике в быту. Не могу я писать бытовых рассказов, скучно, а в то же время без быта тоже не хочу. Не приемлю. Вся работа — в преодолении быта. Поэтому, м(ожет) б(ыть), органически чужд мне Пильняк, который бьет на натурализм.

Лунц ответил вам⁴. Я с ним много говорил о вас после ваших писем к нему, и ко мне, и к Федину. М(ожет) б(ыть), эти письма были одной из причин быстрого конца неврастенического периода. Опять наступает период упорства. В «Веретеныш»⁵ не пойдем (<...>)

Всего вам хорошего.

Ваш М. С л о н и м с к и й

Датируется по письму 9.

¹ Слонимский писал Горькому (начало октября 1922 г.): «Дорогой Алексей Максимович, пишу грустное письмо, ибо не могу: устал и хочу выговориться. Нахожусь в сильном сомнении. Распался. Дело в том, что пошатнулось благодаря Пильняку серапионовское дело. Пильняк повел линию литературно неправильную, подчинил Никитина и внес разлад...» (АГ).

² Издание не состоялось. См. письмо 4.

³ Книгу рассказов «Шестой стрелковый». См. письмо 9, прим. 3.

⁴ См. письмо 9, прим. 9.

⁵ «Вестник критической мысли и сатиры» «Веретеныш» издавался в Берлине в 1922 г. группой писателей-эмигрантов.

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

(Сааров. 13 марта 1923 г.)

М. Слонимскому

Дорогой мой друг, в конце концов — совершенно не важно, какова будет книга о Горьком, а важно, чтоб Михаил Слонимский писал рассказы. Вполне согласен с вами: оставьте книгу такой, какова она есть, подпишите ее инициалами М. С., и этим будет кончена канитель, которая мешает в(ам) работать¹.

Очень тревожно знать, что вы чувствуете себя плохо; Лунц пишет, что вы «хандрите и нервничаете». Это — плохо. Сумеете ли вы отдохнуть в Крыму? А Лунц — теоретизирует, это тоже не очень хорошо, во всяком случае: несколько преждевременно. Я знаю, что в молодости человека весьма беспокоит зуд творчества различных законов и что всегда это приводит законоположников к дидактике, тенденции и другим грехам

против Духа искусства. И, уж если законотворчество одолевает непобедимо, так следует придавать этим законам или — точнее — издавать законы в художественной форме, оставляя за собою право проницательного отношения к собственному законотворчеству. По натуре, по существу своему, Левушка прежде всего — художник.

Кстати: скажите ему, что «Пустыня» в переводе на французский язык звучит очень хорошо; ее будут печатать в «Европе», журнале Р. Роллана, Аркоса и Вильдрака². И, пожалуйста, скажите, чтоб он не печатал «Закона»³ в России, это невозможно, пьеса уже набрана «Беседой», в начале апреля выйдет, и будет нам нехорошо, а также и ему: журнал пройдет в Россию.

На днях я послал письмо о Серапионах для Франца Элленс в «Ecrits du Nord»⁴, о Никитине и Всеволоде я пишу: «Они перегружены впечатлениями хаотического бытия России и не совсем еще научились справляться со своим богатейшим материалом. Мешает им и щегольство провинциализмами языка. Они слишком увлекаются местными словарями пестрой России, где почти каждая губерния говорит своими словами. Это делает их рассказы почти непереводаемыми на европейские языки. Но успех не ошаняет их, наоборот: оба они знают его цену и говорят: «Нас очень хвалят, это не хорошо для нас». Слова — искренние. Я вижу, как они оба стараются преодолеть хаос своих впечатлений и несовершенства языка».

А Пильнякова «Третья столица»⁵ — ужасна. И — малограмотна. Ну, будьте здоровы, берегите себя, присылайте рукописи. Не вышла ли книга Зильбера?⁶ Пошлите, пожалуйста. Вам кланяется Познер⁷. Привет Ник(олаю) Чуковскому, мне очень нравится его «Козленок»⁸. Идет в первой книге «Беседы» <...> Ходасевич пишет совершенно изумительные стихи.

Жму руку.

Привет мой Зоценко.

И — всем!

13.III.23.

Saagow

А. Пешков

¹ См. письмо 9, прим. 1. Слонимский, обеспокоенный требованием издательства З. И. Гржебина сдать книгу о Горьком, писал: «Из книги можно сделать просто хронологическую канву, фамилию мою снять и поставить буквы „М. С.“. Как вы думаете?» (письмо от начала марта 1923 г., АГ).

² «Еurore» — литературный и общественный журнал, основанный группой передовых писателей во главе с Роменом Ролланом в 1923 г.

Рассказ Л. Лунца «В пустыне» в журнале напечатан не был.

³ Л. Лу н ц. Вне закона. Трагедия. — «Беседа», 1923, кн. 1 (май-июнь).

⁴ Статья «„Группа Серапионовы братья“». Неопубликованное письмо Горького была напечатана в журнале «Le disque vert», 1923, №№ 4—6. См. Горький — Федин, приложение II.

⁵ См. письмо 4, прим. 8.

В заметке под названием «Русский язык» Горький приводит неправильные словоупотребления и неблагозвучные слогосочетания из повести Пильняка и в заключение пишет: «Пильняк называет себя подмастерьем Ремизова, но в повести „Тр(етья) ст(олица)“ не чувствуется влияния Р(емизова), а раздражает плохо усвоенный стиль Белого» (АГ).

⁶ В. В а в е р и н. Мастера и подмастерья. Рассказы. М. — Пг., «Круг», 1923.

⁷ Владимир Соломонович Познер (р. 1905) — французский прогрессивный писатель и журналист, член французской компартии. Начиная литературную деятельность в Петрограде, в кругу «Серапионовых братьев». В 1922 г. уехал во Францию. В 1957 г. в Париже вышла его книга воспоминаний о встречах и переписке с Горьким. — «Souvenirs sur Gorki par Vladimir Pozner». Paris, Les Éditions Françaises Réunies, 1957.

⁸ Н. Ч у к о в с к и й. Козленок. Стихотворение. — «Беседа», 1923, № 1 (май-июнь), стр. 126—131.

СЛОНИМСКИЙ — ГОРЬКОМУ

⟨Петроград. Начало апреля 1923 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

вчера у Федина написал по обыкновению торопливое письмо, а сегодня хочу на свежую голову описать вам вчерашний серапионовский переполох.

Третьего дня я вернулся из Москвы. Настроение — прекрасное, ибо впереди — месяц спокойной и неторопливой работы. Прихожу вчера к Лева¹. Лева по обыкновению лежит с градусником (он всегда чем-то болен). Лежит и дрожит в страхе. «Тебе письмо от Алексея Максимовича...² Страшно ругает... полная катастрофа и паника... и меня, и Федина». «За что?» «Я не разобрал». «Где письмо?» «У Федина».

Лева дрожит, я дрожу, галстух от испуга сам собой развязался, говорим шепотом, я хожу на цыпочках. Лева начинает успокаивать, но я убегаю. Трамваев нет, беру извозчика, гоню его к Федину. Приезжаю.

Федин сидит устола и читает с карандашиком в руках собственную книгу³. Бледнея, подчеркивает какие-то фразы — глаза огромные, на лице — ужас. Увидев меня, сразу понимает, в чем дело, и дает мне письмо. Я прочитываю и немедленно соглашаюсь со всем решительно. Федин также согласен. Оба чувствуем себя отвратительно. Я хватаю перо, бумагу и тут же отвечаю вам, не помню что — кажется, ерунду. Полная катастрофа и паника, все погибло, мы — прохвосты и пишем дрянь, Федин плачет, я плачу, Лева у себя с градусником тоже плачет. И каждый начинает мучиться проданными и еще не напечатанными рассказами: а вдруг и они дрянь? Полное раскаяние и ужас.

Дорогой Алексей Максимович, большое спасибо вам за ваше письмо. Причина торопливости одна — невероятное отсутствие денег, гнусная бедность. Бороться с соблазнами при таких условиях необыкновенно трудно, а мы всё же боремся и халтурим только тогда, когда сил нет больше выдержать. Ведь в Москве мы, попросту говоря, если не маститые, то, во всяком случае, уважаемые и борются с этой ложной «уважаемостью» не перестанем никогда.

Теперь у меня задача: написать такой рассказ, который бы вы и Влад(ислав) Фел(ицианович)⁴ одобрили для «Беседы», и который бы понравился Виктору. Пишу и потом читаю вслух, воображая в кресле рядом Влад(ислава) Фел(ициановича). Выслушиваю от него замечания, затем иду по коридору к несуществующему Виктору, гляжу на дело его глазами и думаю о том, как отнесетесь к рассказу вы, когда я понесу рукопись вам на Кронверкский. Писать буду месяц, два месяца, три месяца, но добьюсь. Писать, наконец-то, можно спокойно, ибо деньги пока что есть.

Серапионы все живы и здоровы. Плотное ядро — Лева, Зощенко, Федин, я, Тихонов. Срослись и не разойдемся. Брань всем нам полезна. Большое спасибо, и очень я вас люблю.

Ваш М. С л о н и м с к и й

Датируется по письму Федина от 7 апреля 1923 г. (см. Горький — Федин, письмо 6, прим. 2).

¹ Л. Н. Лунц.

² Этим письмом Горького, написанным, по-видимому, во второй половине марта 1923 г., АГ не располагает.

³ «Пустырь». См. Горький — Федин, письмо 4, прим. 5.

⁴ В. Ф. Ходасевич. См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 1.

УБИЙЦА

Рисунок акварелью и цветным карандашом
А. А. Пластова к «Заметкам из дневника»
Горького, 1928 г.

Музей Горького, Москва

13

ГОРЬКИЙ — СЛОНИМСКОМУ

«Сорренто». 31. III <19>25.

Вчера получил «Ковш»¹, — поблагодарите Федина, — сегодня ваше письмо, Михаил Леонидович.

Прочитал в<аш> рассказ². Неплохо, даже значительно более уверенно сделано, чем прежние в<аши> вещи, но вы и должны, и будете писать лучше.

Вы можете писать лучше, в этом меня убеждают различные кусочки, словечки, какие-то «обмолвочки», которыми нестрит рассказ и которые говорят, что вы человек, недостаточно уверенный в своих способностях. Это мое подозрение, м<ожет> б<ыть>, ошибочное, я мог бы иллюстрировать, но «Ковш» у меня отнял Ходас<евич>; он и Берб<ерова>³ живут со мною уже несколько месяцев; скоро поедут в Париж.

Вы несколько робеете пред в<ашим> материалом и, хорошо чувствуя иррациональное в реальном, — в фактах — не решаетесь обнаружить это ирреальное, полуфантастическое, дьявольски русское во всей его полноте. Зощенко — смелее вас, и этим — хорош. Его рассказ⁴ и заставляет ждать очень «больших» книг от Зощ<енко>. В его «юморе» больше иронии, чем юмора, а ирония жизненно необходима нам. Он обещает стать мастером. Как его здоровье, как он живет? Тут про вас разные мудрые люди вроде Степуна Ф. А. пишут и публично читают, что вы все — контрреволюционеры. Спорю, утверждая, что вы, в глубокой, органической ненависти вашей к «быту» истинные бунтари и революционеры <...>

Сейчас — больше, чем когда-либо, защита свободы духа человека — дело революционное. Здесь приглашают возвратиться к мироощущению

халдейских пастухов. Вообразить не мог, что доживу до такой глубочайшей духовной реакции, до проповеди такого угнетения человека догмами, какое наблюдается здесь! У вас, на Руси, это делают грубо и смешно, у вас уже начинают, — кажется, — понимать, что делать это вообще — не нужно. Здесь же проповедь средневековых идей принимает тем более жуткий и безумный характер, что ведется последовательно, упорно, а часто, и талантливо. И даже, в некоторой степени, смущает иностранцев. Г. г. эмигранты на публичных собраниях провозглашают здравицы Чингис-хану и бьют женщин по лицу, как это было в Париже. И. А. Бунин на литературных вечерах публично ругается по-матерному. И вообще — дико, безумно, болезненно.

Я с великим душевным трепетом, с радостью и, конечно, с тревогой за вас, слежу, как вы работаете. Знаю, чего это стоит вам. Я нахожу, что никогда еще русский литератор не стоял в такой трудной позиции, как стоит он сейчас на Руси. Героическая позиция. Такой ее и признает история.

Ход(асевич), прежде всего, прекрасный поэт. Затем он действительно зол. Очень вероятно, что в нем это — одно из его достоинств, но, к сожалению, он делает из своей злобы — ремесло. Будьте здоровы, дорогой!

А. Пешков

¹ Литературно-художественный альманах «Ковш», кн. 1. Л., Госиздат, 1925.

² М. Слонимский. Однофамильцы.

³ Жена В. Ф. Ходасевича.

⁴ М. Зощенко. Страшная ночь.

(Сорренто. 8 мая 1925 г.)

! Я думаю, дорогой М(ихаил) Л(еонович), что ощущаемый вами недостаток, который вы именуете «косноязычием», объясняется вовсе не «неполным владением материалом», как вы пишете, а некоторой робостью и запуганностью пред лицом формального метода. Мне кажется, что запуганность эта ощущается не одним вами, ее чувствуешь и у Федина, и еще кое у кого. Суть, видимо, в том, что когда писатель работает над своим материалом, то его — изредка, скажем, — смущает мысль, как бы не ошибиться, не согрешить против метода. При этом забывается, что литературные идеи, формы, школы и течения создаются не Шкловскими и Эйхенбаумами¹, а самими художниками — Флоберами, Чеховыми и т. д. (...). Вы предоставьте ученым филологам создавать науку о литературе, как они обещают и грозят, а себе предоставьте свободу не считаться с ними. Рассказ, написанный по Эйнштейну, как, напр(имер), у Замятин², это уже не искусство, а попытки иллюстрировать некую философскую теорию — или гипотезу, — которую даже столь глубоко ученый человек, каков О. Д. Хвольсон³, считает трудно усвояемой. И — не один Хвольсон, мне вот говорят, что в среде итальянских ученых Эйнштейна понимают лишь двое. «Форм(альный) метод» понимается тоже не очень легко, как о том, по словам Ф. А. Брауна, свидетельствуют немцы, посвятившие ему в «Журнале славянской филологии» статью в 35 стр.⁴ Этот метод — еще только работа, попытка создать метод, как мне кажется, когда я читаю «формалистов».

От Леонова можно ждать многого, он — талантлив, но пока еще не нашел своей тропы. «Барсуков»⁵ его я не читал. Вышли они отд(ельным)

изданием? Бабель? Это тоже талант, он хитер, ловок в обращении со своим опытом, не скуп на «выдумку» и почти умеет быть эпическим. Но его лакинизм — качество обоюдоострое: может и научить и погубить Бабеля.

Булгаков очень понравился мне, очень, но он сделал конец рассказа плохо⁶. Поход пресмыкающихся на Москву не использован, а, подумайте, какая это чудовищно интересная картина! Каверин⁷ смело шагнул в сторону от себя, — очень я его ценю! Этот должен дать что-то исключительное. Хорош Зощенко⁸, — передайте ему сердечный мой привет. Лавренев я не знаю⁹.

Недавно вышла на итальянском пьеса Лунца «Вне закона», мило изданная. Ее скоро поставят в Риме. В последней книге «Russia» даны в переводе Ло Гатто «Пустыня» и «На Запад!», там же замечательно — как все говорят — переведена «Виктория Казимировна»¹⁰. Вообще русское искусство здесь, на Западе, в чести, и есть люди, которые даже понимают его. В Италии, кроме Дж. Папини¹¹ и старика Пиранделло — пусто. Да и везде — не богато. Всё «средние размеры». Вы, Русь, интереснее, ярче, всячески лучше. Это — не патриотизм.

«Ковш» 2-й обязательно пришлите! И вообще извещайте меня — очень прошу — обо всем интересном в литературе. Будьте здоровы, дорогой! Груздева попросите прислать мне его книжку¹². Всех благ!

А. Пешков

8.V.25.

¹ В. Б. Шкловский и Б. М. Эйхенбаум, наряду с Ю. Н. Тыняновым и В. М. Жирмунским, в двадцатые годы были наиболее видными представителями так называемого формального метода в литературоведении. Идей этой формалистской школы оказали известное влияние на творчество писателей из группы «Серапионовы братья».

² Е. Замятин. Рассказ о самом главном. «Русский современник», 1924, № 1, стр. 11—39.

³ Орест Данилович Хвольсон (1852—1934) — известный русский физик.

⁴ Речь идет о статье В. М. Жирмунского «Formprobleme in der russischen Literaturwissenschaft» в журнале «Zeitschrift für slavische Philologie», 1925, I, стр. 117—152.

⁵ Л. Леонов. Барсуки. Л., Госиздат, 1925 (впервые было напечатано в «Красной нови», 1924, №№ 6—8).

⁶ Речь идет о рассказе М. А. Булгакова «Роковые яйца», напечатанном в альманахе «Недра» (1925, VI).

⁷ В. Каверин. Конец хазы. Альманах «Ковш», № 1. Л., 1925.

⁸ М. Зощенко. Страшная ночь (там же).

⁹ Год спустя Б. А. Лавренев написал Горькому и получил от него письмо (см. т. 29, № 829).

¹⁰ Речь идет о № 4—6 итальянского журнала «Russia», выходившего под редакцией Ло Гатто (см. Горький — Григорьев, письмо 4, прим. 1). Кроме упомянутых Горьким произведений Л. Лунца «В пустыне», «На Запад!», М. Зощенко «Виктория Казимировна», в этом номере журнала напечатаны: В. Иванов. Лоскутное озеро (рассказ); М. Слонимский. Дикий (рассказ); Л. Лунц. Город правды (пьеса).

¹¹ См. Горький — Леткова-Султанова, письмо 2, прим. 2.

¹² И. А. Груздев. Максим Горький. Биографический очерк (по новым материалам). М., «Кубуч», 1925.